

это происходящее. Сравнение состояния героев не с казнью, а с теми, предшествующими ей четвертью часами, когда читается приговор, «а осужденный окостенелыми глазами смотрит на ожидающую его плаху» (15, 283), связано с итоговыми рассуждениями писателя о Стыде. Стыду противопоставляются массы Бесстыжества, и если Стыд и способен заставить понять людей окружающее их и собственное Бесстыжество, то — Щедрин это с горечью констатирует — воспитывать и побеждать ему не под силу. Как и Совесть, он будоражит душу, время от времени напоминает о себе, но утвердиться в жизни пока не может.

История понятия Стыд была затронута С. Макашиным в статье «Щедрин и реакция 80-х годов». Нельзя преуменьшать горечь, которой пронизан финал «Современной идиллии», писал он. Мрачность Щедрина была обусловлена состоянием общественной жизни 80-х годов. Отсутствие иллюзий относительно скорой победы Стыда над Бесстыжеством, отмечает исследователь, отразилось и в «Пестрых письмах».

Следующим понятием, родственным Совести и Стыду, является Правда. Это тоже социальная категория, связанная для Щедрина с идеалом свободы, равноправия, справедливости, относящаяся не только к сфере социальной морали.

Третьим и последним понятием, относящимся к положительной нравственно-философской системе Щедрина, можно назвать Правду, но только с оговоркой. Правда — понятие, безусловно выходящее за пределы нравственно-этической области. Если Совесть и Стыд по своему происхождению связаны с внутренним миром человека, с началом субъективным, то понятие Правда объективно и относится не только к сознанию. В положительных нравственно-философских взглядах Щедрина Правда объединяет понятия Совесть и Стыд, хотя не является механическим суммированием их, и несет в себе возможности обновления. Однако для Правды, как для Совесть и Стыда, необходимы особые условия развития. Правда — величайшая ценность в мире, но она постоянно вынуждена бороться с Неправдой, она и гонимая и торжествующая. В «Истории одного города» Евсеич, вторично искушая бригадира Фердыщенко, пространно рассуждает о том, что с правдой везде будет хорошо. На этом бригадир и поймал Евсеича, потому что понял, что «ежели человек начинает издали заводить речь о правде, то это значит, что он сам не вполне уверен, точно ли его за эту правду не посядут» (8, 314). Упомянув о Правде, Щедрин еще не подчеркивает ту высокую степень обобщения и значимости, которые будут отличать понятие Правда в дальнейшем и ставить в центр повествования. Но от этого не делается менее значимым вывод сатирика о необходимости твердой уверенности в Правде и стремлении отстаивать ее.

Судьбу понятия Правда в творчестве Щедрина можно назвать драматической. Не всегда это понятие окружено ореолом возвышенности, бесценности, не всегда оно дается как нечто равное себе, неоспоримое. В 1880 г. появился цикл очерков «За рубежом», создание которого протекало в чрезвычайно тягостной общественной обстановке. В IV части цикла рассказывается о сне героя; главным действующим лицом сна является Свиныя, беседующая с Правдою. Этот знаменательный colloquium имеет название «Торжествующая Свиныя или Разговор Свиныи с Правдою». В этой сцене сведены вместе два антагонистических понятия: Свиныя, символ самодовольного, низменного, торжествующего ничтожества, тупого и наглого самодурства, и Правда, которую Щедрин не мог не считать самым дорогим в мире. И с таким ценным понятием он обходится суровее всего, потому что предъявляет к Правде самые высокие требования. Правда не всегда торжествует в мире, она даже бывает не только гонимой и поверженной, иногда она становится жалкой, почти обесмысливается и чудовищно унижается. Порой антагонистом Правды делается не отвлеченная Неправда, а Свиныя. Эта возможность противопоставления не только унижает, но почти уничтожает Правду. Свиныя и Правда — комично, но комичность